

Алексей Камратов



**ЛЮБОВЬ МОЯ –
РОССИЯ!**

Стихи и песни

Алексей Камратов
Любовь моя – Россия!
Стихи и песни

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27097686
ISBN 9785448590658*

Аннотация

Книга несет воспитательную и эстетическую функции, может помочь в выборе репертуара для художественных коллективов. Песни смогут быть частью семейного праздника. К стихам Алексея Камратова всегда хочется возвращаться. Они притягивают своей непосредственностью, той глубиной, которая будит в душе дремавший пласт... Книга стихов Алексея Камратова – прекрасный подарок многим поколениям.

Содержание

Обращение автора к читателю	7
Слово об Авторе и его творчестве	9
Раздел 1 Лирика и жизнь	12
Глава 1 Любовь моя – Россия!	13
Любовь моя – Россия!	13
С добрым утром, люди!	15
Берёзы России	16
Двадцатый век	17
Славянской дружбе нет конца	18
К Пасхе	20
Двадцать второго июня	21
Женщинам Ленинграда	22
1941 – ый год	23
Обращение ветеранов ВОВ к романтикам	25
России	
Сон ветеранов ВОВ и других войн	27
Игрок	29
О троих... россиянах	31
Радуга памяти	33
Не моя	35
Русский язык и История	36
Русский тракт	38
Новая планета	39

Весна на болоте	41
Материнский взгляд	42
Малков переулочек	43
Тенерифе Январь	45
Другу	47
Я пришёл из тайги	50
Барыкину Василию Григорьевичу	53
Дела таёжные, дела мужские	55
Далёкий подъезд	57
Молодёжь, что будет с Родиной светлой?!	58
Глава 2 Окольцованные небом	60
Прелесть, окольцованная небом	60
Любовь, как всегда, безумна	62
Весна. Любовь. Портрет	63
Дружба и Любовь	64
Бесики. Женщина в чёрном	65
Снова о первой любви	67
Моя Луна	69
Песня – молитва	71
Гордая любовь	73
Вчерашнее кино	74
Жёлтая отравка	75
«Зачем опять я думаю о нас...»	77
Зима. Троянская любовь	78
На дороге – гололёд	79
Неуёмный дождь	80

Ночёвка в горах со скалолазкой	82
О третьем	84
Погоня	85
Птицелов, отпусти!	88
Снег и карие глаза	89
По шестнадцать – разве это мало?	91
И снова – милой женщине	93
Прости	95
В потоке судеб	97
Вчерашняя гроза	98
Привет Колумбу от Ямала	100
Навигация Любви	102
Ах, Любовь!	104
Милой Тамаре	106
Что надо нам сегодня?	107
Советы Ей и Ему	108
Глава 3 Друзья моего мира	110
Евгению Григорьеву – другу и поэту	110
Есенинской «Собаке Качалова»!	111
О поэте	113
Памяти певца и поэта Н...	114
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Любовь моя – Россия!

Стихи и песни

Алексей Камратов

Редактор Галина Францевна Жмуркова

Редактор Надежда Николаевна Кудашкина

Редактор Светлана Алексеевна Ким

© Алексей Камратов, 2017

ISBN 978-5-4485-9065-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обращение автора к читателю

Представленный сборник состоит из четырёх разделов: 1-ый раздел «Лирика и жизнь " – лирические, гражданские, сатирические и философские стихи о любви, природе, Родине – её красоте и величии, романтике и гражданской ответственности, размышления мои на тему обустройства страны в период перестройки и постперестроечные времена; 2-ой раздел – «Баллады. Хроники. Повесть в стихах.»; 3-ий раздел – «Песенные стихи»; 4-ый раздел представляет собой сборник авторских песен с нотами – песни о прекрасной и вечной человеческой любви, отражение в музыке и слогe взаимных отношений людей из трудных, но романтических времён двадцатого века. Песенные стихи разной направленности: от лирических до патриотических, шуточных и пародийных. Они положены на музыку таких композиторов, как Геннадий Заволокин, Борис Гольдштейн, Людмила Бондарь и на мою музыку.

Ряд песен были написаны к Зимней Олимпиаде Сочи-2014. Среди них есть те, что исполнялись различными музыкальными коллективами и стали лауреатами конкурсов и фестивалей в масштабе страны. В настоящее время с представленными песенными текстами работают композиторы Борис Людковский (США), Бадри Джанашвили (Израиль), Александр Волченко (Волгоград), Людмила Бондарь

(Уссурийск).

Я от чистого сердца приглашаю познакомиться с ними всех, у кого душа хочет петь с прекрасным в унисон. Сборник стихов и песен отражает период жизни страны в полной её красоте и величии с 1965 года по сегодняшний день.

Автор Алексей Камратов.

Лицензионное Свидетельство №19866 РАО

© А. Г. Камратов, 2017

Слово об Авторе и его творчестве

Поэтические произведения, представленные в сборнике стихов и песен Алексея Камратова «Любовь моя – Россия!», не могут не затронуть духовных, интеллектуальных людей, озабоченных судьбами своей страны и мира в целом. Автор с читателями искренен и остро, до боли чувствуя проблемы, пропускает их через себя настолько, словно сам проживает их в своей жизни. Нервы автора оголены: каждая строка несет заряд высокого эмоционального напряжения.

Яркие образы людей, жизненные ситуации разных исторических эпох потрясают той искренностью и правдивостью, которые проникают глубоко в душу. Конечно, некоторым из них он был свидетелем (ОСВАЙВАЛ СЕВЕР), но не менее удачно описаны и события более ранних исторических периодов.

Ведь отголоски минувшего прошли по судьбе Алексея, как и по судьбам многих соотечественников, очень болезненно, если не сказать трагично.

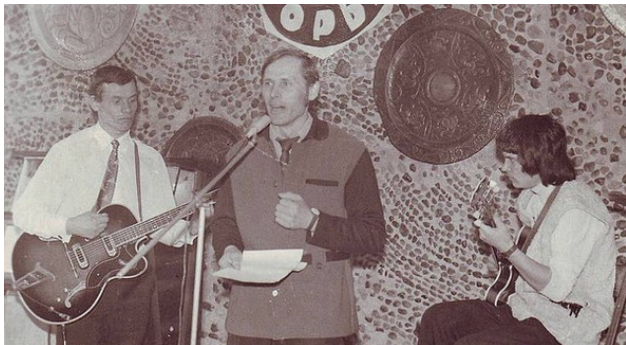
Поэту всегда есть, о чем сказать этому древнему миру. В творчестве Алексея Камратова присутствуют работы в различных жанрах, гражданская и любовная лирика, частушки, песенные стихи и музыка демонстрируют его глубокие народные корни, откуда вырос его духовный мир, его непоколебимая гражданская позиция – стоять бойцом за все воз-

вышенное, чистое и святое, жить по законам высшей нравственности, чести, порядочности и который стремится через слово достучаться до наших сердец.

Его стихи песенны. Им самим, а также в сотрудничестве с композиторами разных стран, написано уже около 100 песен. Среди них есть песни в народном стиле (он в сотрудничестве с Геннадием и Александром Заволокиными работал над проектом «Играй, Гармонь!»), есть песни эстрадные и романсы. Все они глубоки и содержательны.

Книга несет воспитательную и эстетическую функции, может помочь в выборе репертуара для художественных коллективов. Песни смогут быть частью семейного праздника. К стихам Алексея Камратова всегда хочется возвращаться. Они притягивают своей непосредственностью, той глубиной, которая будит в душе дремавший пласт... Книга стихов Алексея Камратова – прекрасный подарок многим поколениям.

*Жмуркова Г. Ф. – директор ООО «Ваш дом»,
Ким С. А. – член Союза журналистов России.*



Раздел 1 Лирика и жизнь



Глава 1 Любовь моя – Россия!

Любовь моя – Россия!

Люблю её, а как мне жить иначе? —
Россия-мама – Родина моя.
Я по чужой Америке не плачу,
что в дальний путь звала, деньгой маня.

Люблю её за ситцевые дали,
за стон берёз зимою на ветру.
Но за любовь не раздают медали,
их дарят тем, кто власти по нутру.

Я – человек российского уклада.
Какая разница – татарин иль мордвин?
Мне по утрам Россия солнцем рада—
Я у неё – единственный, один

И не жалею, не скриплю зубами,
когда меня обходят стороной—
кто париться умеет в русской бане,
тот жив, здоров и дружит со страной

А вот моя сестренка – с Украины,

недавно перепутав двери в «рай»,
обманутая хитрым господином,
продать решила свой родимый край.

Не торопитесь, братские народы,
предать мечты своих святых Творцов:
«Какой бы вы там не были породы,
проклятье Родины настигнет подлецов».

С добрым утром, люди!

С новым утром, люди!

С добрым днём, страна!

Давайте не забудем,
что жизнь у нас одна.

Давайте жить в согласьи
и с трепетом в душе

дарить земное счастье

всем «мон» и всем «ма шер»*

Прим.* «мон» и «ма шер» (франц. яз.) – мой и моя
дорогая

Берёзы России

Березняк, как тельняшка,
полосат и проветрен.
Если Родине тяжко,
не предаст, будь уверен.
Полыхали когда-то
здесь смертельные грозы,
погибали солдаты,
но стояли берёзы,
прикрывая собою
от осколков незрячих
ту, что звали Судьбою,
и никак не иначе.
Поднимали винтовки
погибавших в атаке,
шли в горящие топки
и бросались под танки,
становились крестами,
возрождались из пепла.
Словно Бога устами,
Русь берёзами крепла.

Двадцатый век

Если падать – только в пропасть!
А взлетать – не ниже звёзд!
Обезличенная кротость,
что телега – без колёс.
Век двадцатый – век дерзаний
в макромир влюбил Парнас.
Даже липы, что – в Рязани,
в песнях просятся на Марс.

Июль 1966 г.

Славянской дружбе нет конца

Я о России погрузу —
не сняты чары колдовские,
и в сердце злобу запущу
на тех, кто продал город Киев.
Красивый город на Днепре
стал битой картой изуверов
в безумно подленькой игре
людей не православной веры.
Беда забросила меня
на острова чужой планеты,
где словоблудие кляня,
мир стал разменной монетой
чужой игры крикливых бонз,
предавших Русь и Украину —
зря хочет заграничный Босс
союз наш превратить в руины.
Славянской дружбе нет конца,
ей надоел порядок «бывших».
Из-под тернового венца
пришлёт спасение Всевышний.

Святая Киевская Русь
жила и будет жить в стремлени
нести народам светлый груз
любви и дружбы поколений.

03.09.2014z.

К Пасхе

(монолог-предупреждение)

Я преступил мирскую грань
и душу выставил на паперть —
кричу: «Сестру мою не рань!
Кто Украину в клетку запер?!
В День воскресения Христа
мы с ней отправились в дорогу
и с православием креста
в обнимку шли, угодно Богу.
Врагам такого не понять.
Россия – это Украина!
У нас одна на свете мать—
всегда свята и неделима.
Не шлите, нехристи, громил
к славянам в родственные души!
Но кто с петлёй придёт в наш мир,
тот будет в ней же и задушен!»

20.04.2014г.

Двадцать второго июня

Двадцать второго июня,
ровно в четыре часа...
Жил он в мечтаниях юных,
и совесть была чиста.
С девушкой долго прощался
и называл женой.
Жаль, не успел до счастья
сделать свой шаг земной.
Был он... А где то лето —
год сорок первый, Ока?
Мальчик, в гранит одетый,
Памятью стал на века.

22.06.2013г.

Женщинам Ленинграда

В горе женщины горды
И воинственны, как гунны.
Их накрашенные рты —
В кровь искусанные губы.
Под глазами – синева,
Не косметики наклады,
То студёная Нева
Прорвала кольцо блокады.
И не модный крик седин
Затерялся в тёмной пряди,
То единственный, один
Не вернулся жизни ради.
Кто он? Милый или брат?
В сердце нет шкалы различий.
Горе общее в сто крат
Тяжелее бедствий личных.
И поэтому они
В зимнем возрасте не хлипки.
Нам, не видевшим войны,
Дарят майские улыбки.

1969г.

1941 – ый год

Заметелил листопад
на полкрая, на полсвета,
льётся песня невпопад
про шальное «бабье лето»,
с тополиных стройных тел
листья кровью запечённой —
хмурый дождик на расстрел
вывел во поле девчонок.
Я страдаю. Мне их жаль.
Руки – ветви взмахом нервным.
Мне октябрь сердце сжал
страшным годом – сорок первым.
Год рожденья. Смерти сбор.
Я родился, шли утраты.
Для меня и до сих пор
в тополях живут солдаты,
что погибли не допев,
сок любви из уст не вылив...
Мне сегодня не до дев,
я себя на смотр вывел.
Не спускаясь вглубь примет,
открываю в душу двери:
«Тополя, вы мне – пример:
жить светло и в смерть не верить!»
г. Томск 1974 г.

Обращение ветеранов ВОВ к романтикам России

Вы – там, где горы снега,
где горизонта нет,
где звёзды спорят с небом
о красоте планет,
где бьётся солнца молот
отшельником вдали,
где встал полярный город
на краешке Земли.

Вы – там, где ветер душит,
где жжёт глаза песок,
где жизнь к живым бездушна:
цена – воды глоток,
где зноя мерзкий хохот
колотится в виски,
где в гости принял хлопок
ржаные колоски.

Вы – там, где в мае грозы,
где васильки цветут,
где в шелесте берёзок
романтики растут
и в роли добрых сватов
торопятся на Марс...

Мы верим вам, ребята!
Россия любит вас.

С военной киноленты
мы зорко смотрим в мир —
Любите и лелейте,
что защитили мы!
Невест и жён просите:
«Даруйте детям свет!»
Другой для вас России
на белом свете нет.

Сон ветеранов ВОВ и других войн

(зарисовка о войне)

Сбежав от пуль, набросив тень на пушки,
к земле прижалось солнце тяжело,
а на болоте квакали лягушки,
знать, время квакать тоже подошло.
Смакуя сон, усталые солдаты,
свободные от вражеских атак,
в тот час сменили воинские латы
на свой домашний, простенький халат.
А на «нейтралке», где-то рядом с трупом —
юнцом с распотрошенным животом,
лягушки надрывались смачным хрупом
о чём-то наболевшем и родном.
Он, тот юнец, тропой военной топал,
теперь прописан в дом из нежилых...
О, кто мог знать, что завтра по окопам
пройдёт то солнце в поисках живых.

Спасибо вам, уставшие солдаты,
за тот покой, в котором мы живём,
и делим всё людское на квадраты
в болоте с перестроечным жульём.
А лучше б так:
– по Чести, по Заслугам, не взаём!

1969 – 2015 zz.

Игрок

Посвящаю отцу, Камратову Г. Ф.

Желто-матовый скальп бильярдного шара

в изумрудную зелень сукна

врезал вспых игрового пожара.

Я устал. Я стою у окна.

Дождик яро стучится снаружи

в синьку стёкол: и впрок, и не впрок —

бьёт ва-банк: или в дом, или в лужи.

В этой жизни он – тоже игрок.

Помню. Ночь, как холстина гнилая,

разрывалась осколками мин.

Мы лежали, со смертью играя,

плавал запах, похожий на тмин.

Горб высотки выплёскивал пули,

как слепец, протянув пальцы рук.

Силой в цирке ломы раньше гнули.

словом мог их прямить политрук...

Он шепнул мне чуть слышно: «Невеста... —

Губы вытер сухим языком —

страх не должен насиживать место.

Там – невеста, Россия – мой дом...»

Зло ругаясь, я полз по-пластунски.

Болью жалило в сердце жнивье:

– Ты ведь – русский солдат. Ты ведь – русский!

Встань! Здесь всё – для тебя. Всё – твоё!
Я рванулся в свинец раскалённый.
Небо чёрным крылом повело
и запело мне песню про клёны,
что ушли погрузить за село.
А маманя усталые руки
приложила к моей голове
и заплакала... – женские муки
у России стоят во главе.
Вдруг очнулся и слышу дыханье:
«Ты, братишка, ещё поживёшь.
Дай, тебя обниму на прощанье.
Эх, как жалко, что скошена рожь!»
Тень метнулась в огонь амбразуры
и умолк надоедливый стук...
Солнце встало над рощицей хмурой,
но не встал молодой политрук.
Сигарета дымила и память,
словно дым, выедала глаза.
Хлябь небесная льётся и манит
выйти в ночь, где бушует гроза.
Знай, стихия, на грозы я вышел
с малых лет и творю людям впрок.
– Слышишь, дождик? Конечно, ты слышишь – В жизни
каждый мужчина – игрок.

23. 02. 1966 г.

О троих... россиянах

Белых берёз накат,
нежные: ряд – на ряд.
Трое солдат и смерть.
Думать о смерти не сметь!
Пой, если ты певец...
Трое их было, русских сердец.
Ох, как тяжёл был бой!
Солнце не жгло. Жгла боль
По-над пшеницей – мрак.

В поле – не жницы: враг.
Стой! Каждый шаг здесь свят!
их было, наших ребят.
Тесен блиндаж и мал.
Бить пулемёт устал
Злость по крови – мандраж.
Мал для троих блиндаж.
Воздух тяжёл и сух.
Солнце в тени – пастух.
В поле хлеба тучны
Пули всегда точны.
Хмыкал в усы сержант:
– им не впервой бежать
Третьей атаки вал
Землю под траки вмял

Тесен блиндаж и сыр
Бил пулемёт – стыл.
Русский, киргиз и хант
Бились вдали от хат.
Бились за крепость Брест
Русь! Ты – одна окрест.

Радуга памяти

Радуг цветные колёса
смяли густой буерак.
Мы, возвращаясь с покоса,
пели про храбрый «Варяг».
И рокотал по-над нивой
моря пшеничного гул.
Вдруг за берёзовой гривой
женский платочек мелькнул.
Кто-то сказал ненароком:
«Ишь, заблудилась краса.

В роще гулять – не морока,
очи не выест роса»
Но за волнистой стеною,
спрятанной связку дорог,
смех оборвался струною,
замер, забылся, продрог.
Там, у замшелого камня,
в мягком грибном холодке
землю ласкала руками
женщина в чёрном платке.
Свет, как с иконного лика
с ней воедино был слит.
– Тихо! – сказала нам – Тихо!
Сын мой вот туточки спит.

Так ли сознание глушат
взрывы и раны от пуль?
Строчки на камне: Павлуша.
Год сорок первый. Июль.
Год сорок первый. Начало
славных побед и утрат.
Женщину память качала
над колыбелью солдат.
Радуг цветные колёса
крыши зажгли на селе.
Полные сока колосья
кланялись в пояс Земле.

1971 г.

Не моя

Вечер падал задумчиво
На тайгу и на нас.
Строчкам Блока и Тютчева
Втакт похрустывал наст.
Солнца палевый краешек
Плыл по руслу стихий.
Ты сказала мне: «Знаешь ли
Не люблю я стихи».
А в глазах червоточина:
– Отрекаюсь! Отстань!
Мне цыганка пророчила,
Звёзд с тобой не достать.
Я стоял, запорошенный
Угасающим днём.
Пахло мартом непрошеным
И крутым январём.
Ветер хлёсткой уздечкою
Солнца пыл остудил.
Ты ушла. Бессердечная,
Кем, за что я судим?!
Я зажгусь. Стану временем.
Я – твой первый маяк!
Ах, какая ты вредная!
Не моя. Не моя.

Русский язык и История

Великий Пётр, взломав окно Европы,
открыл Россию чуждым языкам.
Не знал, что загоняя мир в окопы,
внесёт раздор по будущим векам.

Век девятнадцатый – всех учат
на французском...

И Франция отправилась в поход —
поймать кураж побед на поле русском,
а получилось всё наоборот.

Двадцатый век – Русь учат на немецком —
и Геббельса не тянут за язык —
«Москва взята!» В Берлин вернулись греться,
язык Германии одев на русский штык.

И вновь беда – все языки смешались:
иврит, японский, хинди. Боже мой!
Когда же коммунисты наигрались,
«любовь в кустах» закончилась войной.

А впереди маячил двадцать первый.
Прошли «Афган», английский подоспел —
насильно потрепав арабам нервы,
он прочно на российский рынок сел.

Великий Пётр не вычислил последствий
Трёхвековой войны. За кем бежим?
Второй язык, который учим с детства —
наш друг и враг... Не верь словам чужим.

Пускай весь мир могучий русский учит
и знают те, кто властвуют в Кремле:
российский слог – правдивый, ёмкозвучный
был, есть и будет Главным на Земле.

13.01.2015г.

Русский тракт

(зарисовка по пути)

Жизнь бьёт ключом
и всё – по голове.

Но я тут – ни при чём —
в карманах нет «лавэ».

А в «телеке» кино —
богатая страна:

кто – в Канны, кто – в гумно —
не жизнь, а стремяна —
попал ногой не в такт
и выбьет из седла.

Таков он, «русский тракт»:
то – в ров, то – в удила.

26.08.2013г.

Новая планета

(романтика, которую пользуют
русские нувориши)

Из – под траков веером

сыпят звезды-снеги.

Мы довольны Севером,

что в пределах Меги.

Трелью, в небо брошенной,

даль располыхалась.

На гостей непрошенных

сыпет снежный хаос.

Речка Мега – в зареве,

ветер фиолетов.

Кажется, что заново

родилась планета.

И, качая пиками

буровые вышки

на тропу великую,

как туземцы вышли.

Войны им не ведомы,

но их путь овеян

яркими победами,

славой Прометея.

Рядом с Мегой – речкою

найден самородок —

люди вскрыли вечную

тайну Самотлора.
Сыпь, пурга лиловая,
с внеземных колодцев!
Есть планета новая!
Мы – первопроходцы!

Но куда там Нобелю
в новом русском ралли..?
Да планету новую
у людей украли!

*Нижневартовск – Москва
1972—2010гг.*

Весна на болоте

Взлетают облака под облака,
берёзовая дымка пригорбилась.
Болотная страда не так плоха,
когда сдаётся разуму на милость.
Разбуженная рёвом тягачей,
вдыхая зыбкой грудью запах дыма,
из зимних выбирается ночей
Тайга, как на свидание с любимым.
Навстречу ей – весёлый и хмельной,
похрустывая ломким талым настом,
прёт экскаватор – труженик стальной,
ковшом весну и солнце заграбастав.
А кто же тот смутьян и чародей,
кто горизонт ломает взлётом вышек?
Он – самый-самый добрый из людей,
он рисовать портрет России вышел.

Материнский взгляд

Опять весна звенит капелью —
стучит под окнами морзянкой
и красит пегой акварелью
сугробов рваные портянки.
и от тоски прилипла к телу
душа – желанная девица...
Но за «бугор» не улетела
её любовь – моя жар-птица.
А потому что в доме, рядом
живёт она (куда ей деться?) —
икона с материнским взглядом,
что Родиной зовётся с детства.

10.05.2014г.

Малков переулок

За витриной матовой
повар – курошуп.
В переулке Малковом*
комнату ищу.
А толпа колышется:
«Здесь жильё сдают?»
С мизерных до высших цен —
прописка и уют.
– Здравствуй, старушенция!
Сдашь ли уголок?
Я – не граф из Швеции,
мне тепла бы впрок.
Что? Пятнадцать новеньких?
Не хватил бы тик.
Я не принят Нобелем
в кооператив.
Не рисую денежек
с цифрами и без.
Ты на что надеешься?
Я – студент. Не Крез.
Трёшку сбавь, скаредина,
нет на те креста.
Буду служкой преданным
даже в дни поста.
Вишь, какой я – тощенький,

одинок, как перст.
Не бойсь за доченьку,
мне – не до невест —
сопромат и физика,
по утрам – рассол...
Профессура – изверги
высосали всё.
Тут ли до хорошего,
не до толстых баб.
Звать меня Митрошею.
Ты уж трёшку сбавь.
Порядили, сладили,
значит, поживём.
Оба не в накладе мы —
каждому своё.
Дел хороших мало ли,
я всегда им рад.
Переулком Малковым
вышел в Ленинград.
Прим.*Малков переулок – тусовочное место съёма
жилья

г. Ленинград Октябрь 1960 г.

Тенерифе Январь

(Зарисовка.)

За окном океан барракудит,
бьёт волной по душевной шкале.
Острова – материнские груди
приласкали меня на Земле.
Тенерифе – подобие рая
вдалеке от житейских забот,
человеческим чувством играя
вскрыл вулкан – сгусток «адских» пород:
Красоту и Любовь, и Причастье,
по-испански Фламенко и Страсть....
Я сегодня успешен и счастлив,
над природой почувствовав власть.
Мне с балкона, чьи крылья напротив,
Шлёт привет друг-художник Илья.
Не пророк. Он в полотна, как дротик,
кисть вонзает, легенды творя.
Русский мастер, художник от Бога,
он для мира не стар и не нов.
Тенерифе – земная берлога
для людей, как Илья Глазунов.
Много звёзд мировых отсияло
здесь, где месяц тормашками вниз.
Кто-то яро, а кто-то устало
правду шил из монашеских риз,

целовался с чужим капиталом,
рвал судьбы драгоценную нить...

В поле русском – заснеженном, талом
шла зима теплоту хоронить.

Январь 2013 г. Тенерифе – Москва

Другу

Если в сердце бой
и во взгляде – Да!
Я пойду с тобой
даже в «никуда» —
в неземную даль,
где не жгут мосты...
Только, слово дай:
«Я – навеки Ты».
Февральские зарисовки
В феврале весной запахло —
вьюги выпали в запой.
На работе (как без пахот?) —
кризис, тягостный застой.
Надоело куролесить
по московским кабакам.
Убегаю в чьи-то веси,
попадаю там в капкан.
Но влюбляться и жениться
не могу. Ну, хоть убей.
Правда, хочется с девицей
поболтать про журавлей,
что с испугу улетели
в зарубежные края,
где, тихонько «голубея»,
гонорарчики кроят.

Там веселые «пингвины»
первой гангстерской волны
кормят с рук чужих дельфинов
и в своих делах вольны:
увлеченные заботой
первой леди и тусой,
заграничные заборы
мажут пакостью пустой
про Багамы и Канары...

Что им русская зима!

Их не мучают кошмары.

Русь кошмарится сама.

Февралем она глубоОко,

а, быть может, глубоО,

в снег зарылась одиноко

под шампань «Вдова Клико».

С ресторанною цыганкой

тоже душу отведу.

Ночь и я. Метро «Таганка».

И февраль – весь на виду.

Природа

(размышлизмы)

Природа, по сути, мила и нежна

и ласкова, словно мама,

даёт иногда нам такого рожна,

что не покажется мало.

Природа не любит забегов людских

на вездеходах по тундре,

но не замедлит пустить ростки

под дождь в обезвоженном грунте.
Природу похабят, ломают и жгут,
но та, возрождаясь из пепла,
сплетает контрасты в целительный жгут
и вяжет им Жизнь, чтобы крепла.

2014г.

Я пришёл из тайги

Я пришёл из тайги-
с бородой, неуклюжий...
Я хотел быть таким —
грубоватым и нужным.
И, достав талисман, —
ключ с двойною бородкой,
С сердцем крикнул: «Сезам!»,
но открыл двери робко.
Сделав в детство шаги,
испугался услышать:
– Ты опять нашалил.
Ах, несносный мальчишка!
Но вокруг – тишина.
Тишине не поверил.
Жизнь давно решена.
Здесь я вышел за двери,
в мир дремучий и злой,
яркий, светлый и новый...
В моде был Виктор Цой
и не в моде был Нобель.
Заблудилась страна
в словоблудном разврате.
Я от злости стонал —
наш Союз невозвратен.
Тонкостенный барак

пропечатанный гнусом
плакал ночью, а так:
пили днём жизни уксус
и глотали смолу
молча гибнущих кедров...
Вахту сдал и – к столу :
пили влёт и без нервов:
день за днём – за кубы,
за партийную касту...
Сердце я загубил,
но душой кувыркался —
в перестройку взахлёб
начал пить. Думал – «клёво».
То, что стало – я «грёб»,
заодно – Горбачёва.
Лес загнил на корню,
обнищала зарплата,
в зубы смотрим коню,
а он – конь-то —горбатый!..
Далеко нас завёз,
продал всех на помойке
за немецкий овёс
и за доллар в ковбойке,
окровавил Чечнёй,
расстрелял в «Белом доме»...
Я порою ночной
вижу Русь в страшной коме:
смерть, кошмар, воровство,
беспредел, рэкетеры,

душ крикливых родство
в коммунальной квартире.
Развалился Союз.
Стали жить побогаче?..
Я другого боюсь —
кто ещё «нагорбачит»?
Я пришёл из тайги,
мне их Запад – «до фени».
Кто отдаст мне долги,

где тот умненький гений?
Кто Россию в намёт
по истории пустит?
Русский – это не мёд.

09.02.2017г.

.

Барыкину Василию Григорьевичу

В память моему учителю литературы

«Сколько лет перепорошено,
Сколько вытаяло зим!» —
В тихой улочке заброшенной
Плакал старый клавесин.
Мне, случайному прохожему,
Отболевшему сполна,
В ноги бросила валёжину
Музыкальная волна.
Пробежала палисадником
Звуков трепетная дробь.
Я стоял вихрастым всадником,
Слыша детское: «Не робь!».
Ближе, ближе: домик, ставенки,
Их резные кружева.
Клавесин – учитель старенький
За меня переживал.
Тяжесть лет кладу под окнами,
Исповедую вину.
А сирень кистями мокрыми
Мне прикрыла седину
Вдруг – обрыв... И ставня хлопнула,
Тротуар укутав в мглу.
Тут я понял, место лобное

Здесь – в сиреневом углу.

Дела таёжные, дела мужские

По тайге полсезона прошастали.
Перекур на два дня – Новый год!
Даже Дымкина морда ушастая
далека от собачьих невзгод —
любопытствует шумно и радостно,
поднимая всеобщий настрой.
Дед Мороз, ну, конечно, под «градусом»,
разливает кедровый настой.
База дышит ухой и пельменями,
надоела «резина» консерв,
а приправой к ухе из Тюмени
«Звёзды» падшие дарят концерт.
Под Луной и балки, и вагончики
(по реестру их семь единиц)
прилепились на северном кончике
края нефти, болот и лисиц.
Двадцать сейсмиков, зри – соплеменников,
отдаются домашним делам,
растрепав кучу «тёщиных» веников
по мужским задубевшим телам.
Ночь надвинулась пасмурным паводком,
загустела на Лысой горе.
А механик с каким то там патрубком
всё возился... и свет не горел.
Ерунда, к темноте мы привычные

не суём в службу соцбыта нос.
Под гитару расскажем про личное
и по теме обсудим вопрос:
почему не торчим в Подмосковии
и свой Сочи не строим в уме?
Потому что у тётки Прасковьи
семь по лавкам и двое – в тюрьме.
Их кормить и воспитывать надобно —
раззудись у Сибири плечо.
Эй, правители, севшие надолго,
не спешите в Сибирь – горячо.
Питер сыт, «скобарей»* поубавилось,
на Москву им «с прибором не класть»
знает Запад, Россия «обабилась»,
но Сибирь у неё не украсть.
Не таёжная тема, не сельская... —
дать народу от Счастья ключи.
Так гуляйте же люди «рассейския»!
Вон, и свет вам «электрик» включил.
Прим. Скобари* – простой народ, лохи, псковские
мужики по-питерски.

03.12.2014г.

Далёкий подъезд

Кто в знакомый подъезд не входил,
возвращаясь из трудных дорог,
и кому полировка перил
глаз не трогала милостью строк —
арифметикой детских сердец:
Лёша, Нелли, в серёдке плюс?
Как мне дорог далёкий подъезд!
Я его одного не боюсь.

1966г.

Молодёжь, что будет с Родиной светлой?!

Бывало, мы носили брюки клёш
и удивлялись мужику во фраке.
Сегодня без «ста грамм» не разберёшь:
кто – «голубой»*, а кто рождён в бараке.
Прибитая рекламой молодёжь,
порой пристрастна к наркоте и водке,
страну не любит и не ставит грош,
но деньги вытащит из глотки
С трибуны заливает «соловей»:
Власть в «жесть» ему – шахтёру из Кургана.
А ты его по «Инету» пробей,
увидишь сам – с Рублёвки обезьяна.
Купили паренька за тридцать «грин»*,
в зачётку даром «удочку» черкнули.
Теперь поёт сей русский господин,
что он готов за Русь пойти под пули.
Мы помним вот таких же пареньков —
по пьяни встали грудью перед танком.
Герой страны сейчас «Всегда готов!»
встать в строй за власть имущих или панков.
Куда ты потянулась, молодёжь?
Неужто цель одна – «под веер пальцы»?
За деньги – разум, а за совесть – ложь

не купишь, не продашь... Придут китайцы.
Так где ты, светлой Родины мечта —
создать свой рай в пределах всей Планеты?

А может просто нету ни черта
тех мужиков, способных сделать это?

Примеч.* — «грин» (жаргон) — «зелёные», доллары
«голубой» — от выражения «голубая кровь» синоним —
аристократ

2012 г.

Глава 2 Окольцованные небом

Прелесть, окольцованная небом

Прелесть, окольцованная небом,
в переплётё чувств моих и мук,
я слепил тебя из хлопьев снега,
а, слепив, не выпустил из рук —
заморозил в памяти с подтекстом:
«Крыльев у Любви не перечесь».
Ты осталась там – в далёком детстве.
Я за «тыщи» вёрст – с той птицей здесь.
Здесь, где выюги прячутся под стреху,
разоряя гнёзда местных птиц,
оставляя в откуп человеку
ширь земли и солнце без границ.
Помнится, прощаясь, ты сказала:
– Для любви не нужен сердцу кнут.
Нас судьба по свету разбросала,
с головой в разлуку окунув.
Улетели годы, как и птицы,
в письмах потерялись... «Се ля ви!».
Наши дети разыграли в лицах
ту же сказку преданной любви —
в жизнь вошли, ступив на те же грабли,

что зовут в народе «Боль разлук».
Мир сегодня лживостью отравлен,
а разлука в поле жизни – плуг.
Не грусти, – родная, успокойся —
там, где внуки, правнуки, родня...
я всегда с тобой. Пусть неба кольца
ждут потомство завтрашнего дня.

08.03.2014 г.

Любовь, как всегда, безумна

Любовь не всегда безумна,
Любовь не всегда так гладка
Любовь – это сердца зуммер,
её берегут с оглядкой —
не дай Бог, услышит ближний,
разлука придёт в дороге.
Снимаю не с полки книжной
ту повесть о недотроге:
«Джюльетта была невинна,
Ромео – в любовной коме».
Сегодня – любовь противна
и девственность – не в законе:
тусовки, наколки – в душу,
наркотик сближает связи.
Друг друга любовь не душит,
она в половом экстазе
рожает больных уродов...
Опомнитесь, люди! Стойте!
Любовь не вернуть народам,
забывшим веков устои.

Весна. Любовь. Портрет

Весна неласково
за окнами капелит.
И думы разные,
как всплески акварелей.
Пишу портрет. Тебя —
Пастушку в ярком ситце
и стайку жеребят —
какой красивый синтез!
Весна упрямится,
не хочет поделиться
зари румянцем,
и девичьим ситцем.
Больная кисть – Любовь,
и холст не ожил —
льёт с тел берёз
слезы горячий обжиг.
Но ветер выстеклил
меж туч судьбы осколок
Я кистью выстрелил.
Я знаю, встреча скоро.

14.04.1974 г.

Дружба и Любовь

(размышлизмы на тему расставаний)

Ожидание удваивает силы,
взятые из жизни напрокат.
Расставание – совсем не лучший стимул
для сердец, стучавших невпопад:
безнадёжно, трепетно и ёмко
предъявляя детской дружбе счёт.
Верьте, люди, зимняя позёмка
тёплых слов любви не заметёт.

27.10.2013 г.

Бесики. Женщина в чёрном

Глаза серебрятся ночной поволокой —
блудливые бесики в них и тоска.
А ветер трепал златом вытканый локон,
и чёрные тучи по небу таскал.
Усталая грусть в недосказанных жестах,
в словах неуёмной красы простота.
О, женщина в чёрном, давайте без шефства —
не надо обмана. Взгрустнём просто так.
Слова не затронут заветной мишени,
амурные стрелы остры, не новы.
Забытое прошлое выплыло тенью,
что в беглую душу отбросили Вы.
О, женщина в чёрном. Пантера – не хищник,
а мягкая похоть и страсти оскал.
Вдруг в женских словах стала музыка лишней,
в них вместо любви заметалась тоска.
– Любила ли ты боль и горе? – Любила —
и бесики смеха измерили глубь.
Я знаю, ты думаешь: милый мой, милый,
не будь, как мальчишка, доверчив и глуп.
Любовь мы теряем негаданно часто.
О, женщина в чёрном! Любовь не дари
мальчишкам, для коих великое счастье
Любить... Уходи и судьбу не кори.

1997 – 2013 zz.

Снова о первой любви

Ревновать и любить хотел он
И смущаться до алой кожи.
Ты в ответ обманула телом,
«обмурлыкав» чужое ложе.
По-кошачьи, походкой гибкой
уходила. А помнишь, в двадцать,
он тебя награждал улыбкой,
а потом научил целоваться?
Не придумать для сказки меру —
поцелуи приходят сами.
Он, тебя обращая в веру,
сам сдавал на любовь экзамен.
Паруса под соблазном ветра
убегать в океан устали.
Красота человека – это
выше самой желанной дали.
Нецелованных нынче мало,
ты уходишь, познав истому,
и не мачту, а жизнь сломала
и прибилась к чужому дому.
Первозданной любви осколок
не сверкнёт маяком, как прежде.
Если сердце набило «оскому»,
оживить его – нет надежды.
Уходя, уходи навечно,

но бывшее во снах не трогай,
прожигай свою жизнь беспечно,
помолившись пред той дорогой.

12.12.2014г.

Моя Луна

(издалека с Любовью)
Луна повисла на шесте
Лукавым фонарём.
На пятитысячной версте
Живу я дикарём.
С утра все сорок с ветерком
Гуляют по сорам*,
А в мыслях:
– В баньку бы с парком,
Да водочки «сто грамм».
Но вместо водки пью чифир* —
Живительную муть.
Потом таскаю нивелир,
Как сивая хомут.
Клянусь снега, клянусь себя,
Тяжёлый груз одежд...
Но прусь, ругаясь и хрипя,
Занять другой рубеж.
В планшетку данные вписав,
Спешу к своей Луне,
Чтоб эта рыжая лиса
– шеста смеялась мне:
– Эх, ты – усталый дуралей,
Иди, не шебаршись*.
Ты ставишь вехи для людей,

А в этих веках – Жизнь.

Примечания*. Сор (хант яз.) – затапливаемое, болотистое место

Чифир (жарг.) – крепко заваренный чай

Шебаршиться (жарг.) – сопротивляться, суетиться

Песня – молитва

Быть может, ты права...

Быть может, ты права,
что ждать, не так уж просто,
что жёлтая трава
сожгла наш перекрёсток,
где разошлись пути
и взгляды, и надежды...

Меня ты не суди.

Я был с любовью нежным:
лелеял по утрам её больную завязь,
в неистовый буран
у сердца, всем на зависть,
я нёс её, я пел...

Какие были песни!!!

В тот миг я так хотел
их петь с тобою вместе.

Убереги, Господь,
пространство от разрухи.
Любовь и кровь, и плоть
мне не отсушат руки,
которыми обнять
хочу земную прелесть....
Но ты ушла опять,
и песни не допелись.

Приди, я всё прощу —
и сумерки, и дали.
О прошлом не грущу,
его мы не видали —
оно пришло – ушло,
а нам остались тени.
Любовь – не ремесло,
не защитит по теме.
Нет формулы любви,
Есть гены всепрощенья,
наследственно в крови
упрятавшие мщенье
за преданный союз,
не согрешивший в боли,
слетевшей с жадных уст
чужой развратной доли.
Останови себя
на повороте к славе,
и нам грехи
семь нот в одной октаве,
и новым светлым днём
вернётся смысл песни,
и мы с тобой пойдём
опять по жизни вместе.

17.12.2013 г.

Гордая любовь

Я ухожу по тропке горной
к вершинам гор – чужой мечте.
И мой характер – тоже гордый —
стихом не ринулся в мечеть,
не оскорбил, а внял закону —
Закону гор – спешить к тебе!
И я иду по небосклону
к любимой, ждущей в Теберде.
Легли слова в почтовый ящик,
спешу на деле доказать, —
кто полюбил, любовь обрящет,
у гордых нет пути назад.

03.12.2014г.

Вчерашнее кино

Вчера любовь «офонарела»
и позвала меня в кино.
Я ей ответил очень смело:
«Кино прокручено давно.
Оно достаточно невкусно,
и без поп-корна не поймёшь.
Была бы жизнь, а к ней – «капуста»
Всё остальное – просто ложь.
Пойдём-ка, купим лампу в лавке,
Тушить её – не потушить.
Моя любовь созвучна Кафке —
«Любить, пока не кончим жить!»
Примеч. Капуста* (жаргон) – деньги

Жёлтая отрав

Жёлтая отрав —
дней осенних шёпот —
ей идти направо,
мне – в другую близь.
Умоляю, дайте
человеку право,
полюбив, остаться
с милой на всю жизнь!

Искурив за вечер
пачку жгучей «Примы»,
не познав извечных
поз из «камасутр»,
понял, что сегодня
чувства нелюдимы —
«Изменил с другою? —
так, не обессудь.

Грусть на зелье падка
и душа томится,
за оградой парка
праздник Покрова.
Ах, какая осень!
Стоит вдрызг напиться.
Жёлтая отрав,

ты всегда права.

17.10.2014г.

«Зачем опять я думаю о нас...»

Зачем опять я думаю о нас,
о прошлом, запорошенном мечтами.
Душой спешу взобраться на Парнас,
сказать: «Любовь для нас – татами».
С собой бороться больше не могу,
и ты мечтать, по-моему, устала.
Любить, как в светлой юности – в стогу,
сегодня нам с тобою не пристало.
Люблю во сне, что значит – наяву
у нас любовь с годами не остыла.
Спасибо, Жизнь. Я внучку назову
Любовью, заглянувшей в сердце с тыла.

Зима. Троянская любовь

Выкрутасилась метель три денька подряд,
и любовь, как в шторм, корабельная.
Не прошёл и год, по кроваткам в ряд
трём сынкам поём колыбельную.
Развесёлый хор – по-мужски вокал —
зимний плод любви вызрел к осени.
Наливай, жена, до краёв бокал,
Знать, Троянский конь лёг под простынь к нам!

За окном метель вновь куражится.
Жеребец показался в окне.
На Руси испокон людям кажется —
сыновей жёны «носят» к войне.

20.02.2014 г.

На дороге – гололед

На дороге – гололед
и на сердце – тоже.
Черный тополь в небосвод
врезался, как ножик.
Льнут снежинки к волосам
траурною лентой.
В чьи-то синие глаза
утонуло лето.
Осень, злата наменяв,
стынет под ногами.
А Луна сосет меня
желтыми губами.
Я давным-давно иссох.
Что еще ей надо?
Слов моих медовый сок
выпила отрада.
И, смеясь, стреляла влет —
говорила, любит...
На дороге – гололед.
Не влюбляйтесь, люди!

Неуёмный дождь

(зарисовка из Адриатики)

На дворе неуёмный дождь —
барабанит мне в душу, не в дверь.
Он не ставит любовь ни в грош,
Он – голодный и дикий зверь.
За порогом на части рвёт
не успевшую скрыться грусть,
отправляя за ней в полёт
бредни мыслей и пальцев хруст —
«Не пришла!». А дождю плевать,
кто там прячет под зонт интим
в тайной комнате, где кровать
её тело сплела с другим.
Пистолет на столе блестит —
до поры неживой металл —
он беззвучен, но не простит
тех, кто ложью меня достал.
Дань неся и дождю, и злу,
он, не раз мне спасавший жизнь,
отстрелил бы тому «козлу»
корень чести под женский визг.
А её? Пусть живёт в аду
тихих дней без любви, где ложь...

– Вот наплёл! Лучше сам пойдю

в дом к соседке. Мне – дождь не в дождь!

12.07.2014г.

Ночёвка в горах со скалолазкой

С ветром печка гукала,
хрипя,
называя куколкой
тебя.

Я хочу нейтральным быть,
не раб.

Карты не игральные,
в них – крап.

Я люблю по правилам,
без лжи.

Сколько чувств отравлено
во ржи,
сколько слов испачкано?

Я – пас.

Ухажёры пачками —
не фарс.

Я молчу. Мы заняты
кто чем.

Нам палатка в зАмяти —
ковчег,

Ветры в трубы-кратеры
поют,

Третий день характеры —
в бою,

третий день сражаемся —

молчим...

И не плачь, пожалуйста,
в ночи
пусть играет нервами
гроза.

Да и ты – не первая
краса.

Взглядом не упрашивай.

Ах, ах!

Не люблю ухаживать
в горах.

Горы дружбу чествуют,
как храм.

Верен я, по честному,
горам.

Декабрь 1969 г.

О третьем

Загрустили звёзды на ветру —
Холодно им там и одиноко.
Я сегодня к милой не приду
в теплоту, за шторку спящих окон.
Сквозь мороз, ушедших в лету зим
тёплых отношений и событий,
я прошёл. Да, был неотразим
в сумерках растаявшего быта.
Поплутав словами невпопад,
поиграв с любовью на пределе,
понял – кто-то третий виноват
в нашем греховодном беспределе.
Не виню её, она права —
Приговор Любовь нам объявила:
«В поле жизни скошена трава,
в стог упав у третьего на вилах».

Погоня

(из книги «Бесы-кони»)

Летят бесы – кони
в расплавленном мраке.

Метели погоня
гудит в буераке,
и в небе, и в поле...

И посвист в придачу.

А свадьба в запое
запойно судачит:

– Вот, надо же, ведьма,
сбежала по стуже.

Жених-то, глянь. Э, тьма!

Кому теперь нужен?

– А кто тот разбойник,
промчавшийся вихрем?

– Не наш. С маслбойни.

– Механик что ль ихний?

Красивый! Но чокнут.

– Да, что-то нечисто.

Кажись, что девчонку
попутал нечистый.

А двое не слышат.

Их кони летели.

Любовь – это выше

и слов, и метели.
Впиваются губы,
сливаются реки...
Шла ночка на убыль,
а счастье – навеки.

В избе – пересуды:
похищена зорька,
не бьется посуда,
не слышится – «горько!»
Жених не таковский —
смеется: «Бывает!»
не бьется посуда,
не слышится – «горько!»
Жених не таковский —
смеется: «Бывает!»
Бутылку «Московской»
один допивает.
Рукою поправив
саиновый ворот,
встает.
– Кто отравит
мне свадьбу?!
Кто враг?!
Что стонете, бабы?
Права молодуха.
Не жизнь ей была бы,
а плен и разруха.
Гуляйте все! Пейте!

И будьте довольны,
ядри вас в копейки,
друзей малахольных.
И вышел из комнат,
протезом не всхлипнув.
Под сердцем – осколок
за ногу из липы.

Я – пулей. Я – следом —
частичкой подмоги.
Луна мертвым светом
скатилась под ноги
ушедшему в тени.
Веревка – струною.
Февраль отметелил.
Плыл март стороною,
спешил – не устать бы
на снежных откосах.

Так кончилась свадьба —
Войны отголосок.

Птицелов, отпусти!

– Отпусти! – кратким криком, как выстрел,
Птицелова пичужка просила.

Я тебе пропою в синих высях

больше песен, чем в клетке постылой.

Отпусти! Не ласкай меня взглядом —

взгляд – не солнце, не ветер привольный,

изобилие стало мне ядом

в тёплой клетке и сытой неволе!

Отпусти! Ты – такая же птица.

Крылья – разум твой. Взвейся крылами!

Знай, что сердце напрасно стучится,

Если немощно выпустить пламя.

Снег и карие глаза

Прикорнув, снежинки – звёздочки
тая, плачут на ладони.
Мне даны всего две горсточки
снежно – зимней какофонии.
Припаду губами влажными
к внеземным цветам из снега.
Для меня важнее важного —
муза, льющаяся с неба.
Искры холода небесного —
огоньки на кране башенном.
Кто там с облака белесого
голубой косынкой машет мне?
Снег, не прячь за белым маревом
образ милой незнакомки.
А глаза, наверно, карие
с посеребренной каёмкой?
Я люблю тебя, Вселенная!
Звёздный снег в ладони сыплет.
Небо, песня незабвенная,
жар ладоней не насытит.
Закружи меня, метелица,
снегом неба южной Таврии.
Снег – любовь. Любовь не делится.
А глаза, наверно, карие?

1966—2013 zz.

По шестнадцать – разве это мало?

Дерзкая, девчонка голенастая,
школьная любовь. Девятый класс.
Помнишь, по ромашковому насту
солнце босиком пускалось в пляс?
Ёжик мой бычком глядел задиристо —
тоже солнце с памятью тепла.
Он сберёт хвалу газетной вырезки
про июль, пришедший из села,
где всем классом, и учитель тоже —
добрый литератор и чудак,
спали, убаюканные рожью
в мягких копнах... Утром на руках
ныли ссадины – следы знакомства с полем
городских изнеженных ребят.
Целый месяц мы играли роли
шефов у коров и у телят.
Стрекоза, а помнишь алый вечер,
уносящий день в потёмки роц?
Детство позабывшим вспомнить нечего,
мне забыть прекрасное невмочь.
По шестнадцать. Разве это мало?
Мы считались взрослыми вполне.
Ты в себя мальчишек повлюбляла,
а в любви призналась только мне.
В ночь мечтать, держа ладонь в ладони —

сказка и на небе, и на дне...
Во вчерашнем молодость не тонет,
Постарев, грустит наедине.
Вот и я к сединам юность вспомнил —
голенастую, с букетиком гвоздик,
мемуары записав в двухтомник,
а июль тот – в этот скромный стих.

1958 – 2013гг.

И снова – милой женщине

Вы – добрая, милая женщина,
немного устали. Правда?
Морщинки у глаз ваших шепчутся
без слов обаятельно, право.
Шептать им про счастье дозволено,
дозволено смех опечалить.
Поэтому будет не больно мне
сказать, что любви в вас не чаял я.
Сейчас, покружив в полноводии,
готов побежать к Вам навстречу
и снова, случайно бы вроде,
взглянуть на красивые плечи,
в глазах утонуть и обжечься,
прижаться к пунцовости вишневой,
копировать плавные жесты,
брать всё – в чём ни капельки лишнего.
Потом, отряхнув наваждение,
рождённую взглядами крепость,
сказать: «Вы – моё наслаждение».
А сладость мужчине – в редкость.
И месяц за месяцем в гости
ходить к вам, и ночи бесценные,
собрав по крупиночкам в горсти,
вложить в нечто полное, целое.
Чтоб солнце те ночи, как в памятку,

взвихрило лучами из прошлого...
Я помню, сынишка ваш маленький
сказал: «Этот дядя хороший!»
В глазах ваших тёплые искорки
грустят о далёкой той встрече.
Ответьте, а было ли искренним —
жечь вместе церковные свечи?
Сейчас ковыли запорошены,
как наша неспетая дружба,
с которой навряд ли всё спрошено,
с которой ещё что-то нужно.
ВЫ – милая добрая женщина,
и я не имею права
для памяти быть изменчивым...
Вы – совесть моя. Вы – правда.

1972 г.

Прости

Луноликая красавица
из краёв озёрной сини,
мне с печалью не справиться
и расстаться жалко с ними.
Я тебя люблю по-прежнему —
синеглазую, далёкую.
Загляни в печаль глубокую,
одари меня надеждою,
что вернёшься – поздно, рано ли,
в мой седой вивам из юности
окропить бальзамом раны мне
из колодца женской мудрости.
Домик карточный разрушится,
сгинет в ночь лихое прошлое.
Я виновен. Я не нужен вам
за нахальное и пошлое.
Видишь, я бываю вежливым,
не могу ворваться окриком
в жизнь правдивую и нежную,
не затоптанную подленьким.
Годы... Годы потускневшие
от разрухи сгнили полностью.
Люди, в жизни цель нашедшие,
могут выпить чашу гордости.
Так и ты, моя далёкая,

Юность вечная и гордая,
не спеши прийти с упрёками,
будь в своём молчанье твёрдая.
Я останусь в одиночестве
с огоньком надежды трепетной.
Как тебя увидеть хочется!
Но не хочется быть третьим.
Луноликая красавица
из краёв озёрной сини,
знай, любить тебя мне нравится...,
но вдали от стен России.

В потоке судеб

Поток машин. Двадцатый километр.
С обочины девчонка голосует.
Включённых фар мигающий подсвет
заботы ежедневные тасует.
От света фар бетон на трассе жёлт,
а платице девчонки – взмах платочка,
чтоб каждый встречный мимо не прошёл
и добрым делом доброе упрочил.
Поток судеб в потоке тех машин.
Пропели тормоза: «Садись, поможем»
И газик по «бетонке» зашпешил,
как всякой доброте спешить положено.
В лесочке вновь заухала сова,
бегущий свет она напрасно судит.
Всю жизнь хотел бы я голосовать,
чтоб добротой переплетались судьбы.

Курск. Июль 1966 г.

Вчерашняя гроза

От Змеи и Скорпиона с Любовью!

Небо загрузило в одиночку,
Даже самолёт не пролетит.
Грозовая туча, сделав «бочку»*,
разыграла ливню аппетит.
Мы сидим на лавочке в беседке,
парк дрожит кленовою листвою.
Молнии под гром срезают ветки
с древа жизни, ставшего судьбой.
Нам – по двадцать, то ли ещё будет!

Впереди – заманчивая даль.
От смущенья слова не убудет —
душу был готов тебе отдать.
Ты спросила: «Неужели, правда —
счастье притаилось за углом?»
А в глазах – блеск молнии наградой...
Кто же знал, что позже грянет гром —
поезда разъедутся по свету
в города с рекламной суетой.
На себя грешу, и ты не сетуй —
мы пришли в Любовь не на постой.
Ей, как нам, не лучше и не «плоше»*,
извини за дикий каламбур,
говорю любви воскресшей: «Проше»*

в галерею парковых скульптур!»
Все приходят поздно или рано
к милым с виноградною лозой...
Но не заживёт на сердце рана,
в детстве нанесённая грозой.

Прим.* Плоше, проше (польск.) – хуже, прощу.

Привет Колумбу от Ямала

На Гаити – сезон дождей.
Рядом с ним мокнет остров Куба.
При желании быть нежней,
как всегда получилось грубо —
на оленях летел к тебе,
бросив Север к чертям собачьим —
не бросают друзей в беде,
а вот я не сумел иначе.
Жёлтым глазом мигнул маяк —
тёплый взгляд старины Колумба,
и я сразу душой обмяк,
и зарделся цветочной клумбой:
– Не ждала? Шар земной так мал!
Всё возможно, коль годы спеты
Сан-Доминго! А где Ямал?
Он – с другой стороны планеты.
Нам судьба подарила шанс,
склеив две половинки шара,
посчитала к Любви аванс
за попытку благого шага —
вновь свела и свила в клубок
жарких встреч на пределе риска...

Мы, замёрзшую в лёд любовь,
растопили в волне карибской.

Декабрь 2013г. – январь 2014г.

Навигация Любви

На старой пристани
ревут гудки.
Ты смотришь пристально
из-под руки.
Ты смотришь издали,
столетья смяв.
Привыкли исстари —
кто слаб, тот свят.
Держусь за поручень,
отбросив грусть.
Эх, волны-горочки,
причала хруст!
И губы парусом
к губам твоим
вчерашним адресом:
Люблю! Любим!
Вдруг с места
слова – мосты.
Других не вижу лиц,
есть только ты.
А небо волоком
вдоль по реке.
Косынка – колокол
в твоей руке
звенит отчаянно:

Тире, тире...

Я не отчаливал,

я шёл к тебе

первопричастием,

уверен в том —

мы будем счастливы

в миру ином.

Ах, Любовь!

(только про нее – вечную)

Затерялись в причалах

стрежевые ветра.

Белокрылые чары

ворожат до утра.

На таежных излуках

ни закат, ни рассвет.

А в глазах – незабудках:

то ли да, то ли нет.

Ах, глаза, глаза —

ночь не тронута,

и с ресниц роса – на траву.

Ах, любовь, любовь —

шаг до омута.

Но нельзя,

нельзя тонуть одному

Плыли свечи черемух
на торжественный бал.

А на сердце чертенюк

босиком танцевал,

Не хотел он мириться

с тишиной до зари:

если вышло влюбиться —
не молчи, говори.
Ах, слова, слова —
всплески лепета —
и не вяжутся потому.
Ах, любовь, любовь —
сердцу трепетно,
но нельзя,
нельзя любить одному.
Мчатся по небу кони,
гривы белым платком.
А ладоням ладони
говорят шепотком:
ты любим, я любима,
но осталась нужда —
где одна половина,
там другая нужна.

Ах, зачем, зачем
ночка – белая
и судьбы тропа – в полону?
Ах, любовь, любовь,
что ты сделала?
Ведь, нельзя,
Нельзя любить одному.

Вата, река Обь. 1972 г.

Милой Тамаре

Милая, я нынче не приду.
Занесло меня в мирскую слякоть,
Где с душевной болью наряду
Доброте твоей не место плакать.
У любви особая стезя —
Не тропа истоптанная людом.
Нам её обманывать нельзя,
Чтобы не застыть в морозе лютом.
А мороз не ждёт, хрустит в висках,
Чуть коснись – и на сердце метелит...
Милая, я так тебя искал!
И боюсь расстаться на неделе.
За окошком вечер октябрит.
Ветер врёт, что зимы неизбежны.
Я не болен. Я тобой убит
В этот месяц – ветреный и нежный.
Я приду – беспомощный чудак,
Веря, что сердца не догорели.
И не поступи со мною так,
Как Тамар с лазурным Руставели.

Что надо нам сегодня?

(размышлизмы о Любви)

Кому – то нужен верности зарок,
сатрапам – окольцованная птица,
а песне – пояс древности – замок
на теле неприкаянной девицы.
Особенно, когда она «сова»,
а он – тот «жаворонок» – непоседа.
Где верность? – Демагогия, слова
и... полчаса в квартире у соседа.
Сегодня продаётся всё и вся:
Душа, Любовь, как с Геббельса подтяжки...
Ромео и Джульетты пыл иссяк.
Остался секс – груз сладостный, но тяжкий.
Так посмеёмся вместе, господа,
товарищи, блатные и не очень.
Зачем нужна вам эта суета?
Но... Жизнь была и есть,
и будет, между прочим.

11.04.2013 г.

Советы Ей и Ему

Ей.

Быть может, ты права,
Что ждать – не так уж просто,
что жёлтая трава
сожгла ваш перекрёсток,
где разошлись пути
и взгляды, и надежды...

Его ты не суди.

Он был с любовью нежным:
лелеял по утрам её больную завязь,
в неистовый буран
у сердца, всем на зависть
он нёс её, он пел...

Какие были песни!!!

В тот миг он так хотел
их петь с тобою вместе.

Ему.

Мечту ударить всякий может,
сорвав свой голос на фальцет,
потом, сомненья подытожив,
преподнести цветов букет.
Но жизнь по замкнутому кругу
бежит, как раненая лань.
Подняв на праведное руку,

свою надежду не порань.

Поверь, и женщинам привольно
смотреть на мир сквозь призму лет.

Прошу тебя, не делай больно,
не торопись ответить «нет».

Глава 3 Друзья моего мира

Евгению Григорьеву – другу и поэту

Я понимаю, друг, понимаю —
не всё даётся радушно.
Но слыша зов проходящих трамваев,
минуты жизни считаю нужными.
Минуты жизни – не цифры счётчика.
Я понимаю, друг, понимаю —
не каждый в небо взвихрялся лётчиком,
но каждый лётчик входил в трамваи.
И я, поэтами жизнь воспетую,
рабочей жизнью всегда считаю.
Я понимаю друг, мы – поэты
пером ведём по судьбе трамваи.

Есенинской «Собаке Качалова»!

Здравствуй, псина, брат кудлатый,
неприкаянная тварь.

Нас сегодня сдал в солдаты
не вражина, а январь.

Дал под зад... И – на помойку,
хоть «зубарики» играй.

Укуси, браток, не ойкну,
только душу не замай.

Нет, не пью. Полаем вместе
в перекошенную жизнь.

Трезвым легче – прямо с песней
«Дуют» в энтот «ахренизм».

Дай тебе подую в лапы.

Жар сердечный невесом.

Эка статья твоя была бы,
будь «качаловским» ты псом.

Мне в друзья таких не надо,
кто за «маленькой нуждой»
на хозяйскую ограду... побоятся.

Боже мой!

А хозяева? Воруя,
верят в честную игру.

Потому не ко двору я
в этом «правильном» миру.

– Ты – со мной? Пойдем, бродяга,

завернемся в хмель ночей!

Горечь лет – не горечь ягод —

Рот не свяжет. Лай звончей!

О поэте

(Не надо квакать невпопад...)

Он не шумным рос поэтом,
был он всех немых «тишей»,
не писал стишки «про это»,
«голубых» травил мышей.
Человек не должен квакать,
зубы скалить невпопад,
чтобы всякая там бяка
не сучила ножкой в лад.
Человек – создание божье,
а вообще – то, хрен поймёт.
Вот поэт. Он, точно, рожей
вышел задом наперёд.
Потому и пьёт, и плачет
беспринципнейший комплект.
И убить нельзя, иначе
в мире вымрет интеллект.

12.06.2013 г.

Памяти певца и поэта Н...

Изгоняя похмельного дьявола,
он лежал у стерильной стены
и мычал коровёнкою яловой
от укулов пониже спины.

Шевелилась в мозгах непогодица,
по палате крутилась тоской
про людей, что со временем портятся
под одной гробовою доской,
но паскудно рыгают историей
с перепоею на бойне интриг...

Человечеству дорого стоили
перегибы активных расстриг.
За окошком аллеи заснежены,
в ёмком небе – метели возня.

Сколько судеб до времени смежила
закулисных актёров грызня —
за кусок, пусть протухший, но лакомый,
за карьеру, за стильный «чердак»...

Он лежал, как в шкатулочке лаковой,
за карьеру, за стильный «чердак»...

Он лежал, как в шкатулочке лаковой,
Знаменитый, забытый чудак.

А наплывом, в горячечной потуге
нудных слов полумозглый рефрен:
«Вы пишете, товарищ, про подвиги,

про культурно прополотый хрен,
про рекорды от лаек и пинчеров...
Дался вам социальный буклет!?»
И холёные усики взвинчивал
из пустых, но активный поэт.
Вспомним хохот и стон человечества
над Есениным, пьяненьким в дым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.